

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ: СТАРОЕ И НОВОЕ

УДК 398.331
ББК 82.3(2Рос=Рус)

Календарно-обрядовая культура русского заводского населения Республики Коми: пасхальный цикл

Светлана Григорьевна Низовцева

Юлия Андреевна Крашенинникова

(Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН:
Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26)

Аннотация. Статья посвящена календарным традициям старожильческих русских заводских поселений Республики Коми, появление которых связано с открытием на этих территориях железорудных промыслов в середине XVIII в. и строительством чугуноплавильных заводов. В работе рассматриваются вербальные, акциональные и предметные составляющие народных праздников, формирующих пасхальный цикл. Авторы оперируют материалами, записанными в период 2008–2022 гг.; тексты достаточно развернутые, детальные, с описанием ритуальных моделей поведения и магических практик. Сравнительно-типологический анализ позволяет говорить о развитой пасхальной традиции у заводского населения Республики Коми; показывает, что терминология, ритуальные практики, восприятие праздников в интересующих нас местностях обнаруживают близкие варианты во многих локальных традициях России. В целом календарной традиции русских заводских поселений свойственна универсальность обрядовых форм на уровне ритуальной атрибутики и моделей поведения. Устойчивыми элементами пасхальной обрядности являются хождение за вербой (Вербное воскресенье), мытье и чистка дома (Великий четверг), приготовление обрядовой пищи, посещение кладбища в родительские дни. Ритуальный и мифологический смысл некоторых практик переосмысливается или утрачивается вовсе (например, хлестание вербными ветками, перекрещивание хлеба и др.). Отличительной особенностью местных календарных традиций является оформление пихтовыми ветками жилого пространства и стрельба из ружей/пушки накануне праздника Светлой Пасхи, а также наблюдение за игрой солнца в день Пасхи с целью определения будущего.

Ключевые слова: календарные традиции, русские заводские поселения, Республика Коми, пасхальный цикл, фольклорная культура.

Работа выполнена в рамках плановой темы НИР (рег. № 121051400044–2).

Дата поступления: 1 марта 2023 г.

Дата публикации: 25 ноября 2023 г.

Для цитирования: Низовцева С. Г., Крашенинникова Ю. А. Календарно-обрядовая культура русского заводского населения Республики Коми: пасхальный цикл // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 4. С. 22–34.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.4.002>

Статья посвящена календарным традициям русских заводских поселений Нювчим (Сыктывдинский район Республики Коми), Кажым и Нючпас (Койгородский район Республики Коми), появление которых в Коми крае связано с открытием на этой территории железорудных промыслов в середине XVIII в. (1756–1760). Основное население промыслов составили обученные заводскому мастерству государственные крестьяне Вологодской, Вятской и Великоустюжской провинций, Костромской губернии. Наблюдения, сделанные ранее, позволили заключить, что «в связи с преобладанием населения из севернорусских и центральных губерний европейской части России в поселениях формируется фольклорная культура, основой которой становятся традиции тех мест, откуда происходят заводчане. Специфический характер поселений (заводские поселки с “градообразующим” предприятием), функционирование заводов до середины (п. Кажым) и конца (п. Нювчим) XX в., неоднородный состав русского населения, тесные контакты с местным коми населением и спецпереселенцами из разных мест России — все эти и другие факторы оказали влияние на формирование местной фольклорной культуры и в какой-то мере обусловили структуру фольклорных традиций» [Крашенинникова 2017, 133–134]¹.

В рамках статьи проанализируем вербальные, акциональные и предметные составляющие народных праздников, формирующих пасхальный цикл. Материалы о календарной пасхальной обрядности записывались сотрудниками ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН в ходе фольклорных экспедиций в период 2008–2022 гг., они дают представление о местной календарной традиции XX — начала XXI в.

Пасха, или Светлое Христово Воскресение, считается одним из главных праздников христиан. Поскольку этот воскресный день каждый год приходится на разные числа, то Пасха стала центром подвижного круга праздников, связанных с ней. Вокруг Пасхи сложились развернутый, занимающий большую часть церковного года пасхальный цикл, в котором выделяют Вербное воскресенье, Чистый четверг, Страстную пятницу, непосредственно Пасху, а также поминальные дни — Радунницу и Семик².

Главным атрибутом первого значимого предпасхального праздника — **Вербного воскресенья** — являются веточки вербы, которые накануне или рано утром в воскресенье приносят из леса и освящают в церкви или кропят святой водой дома. В советский период церкви не функционировали³ и возможности освятить вербу не было, поэтому поставленные в этот день к иконам веточки считались по умолчанию освященными.

Верба — основной атрибут праздника — символизирует быстрый рост, здоровье, жизненную силу, плодородие [Толстой, Усачева 1995, 333], как магический предмет — обеспечивает защиту человека и животного. В Вербное воскресенье ветками вербы легонько хлестали по спине, произнося при этом «какие-то слова, как молитву», например, в п. Кажым говорили: «*Не я бью, верба бьет*» (Зап. от Д. Д. Безносиковой, 1938 г.р., п. Кажым. Соб. ЮАК. 2013 г.)⁴. Тот, кого похлестали, должен был поблагодарить: «...у брата-то жена приходила на Вербное воскресенье, собрала этой вербы и пришла мне по спине хвостала, что-то говорила, как молитву, она. И мне надо сказать, похвостала меня, и мне надо сказать: “Спасибо”» (Зап. от Д. И. Белых, 1938 г.р., п. Нючпас.

¹ Подробнее о механизмах формирования фольклорного репертуара и некоторых сюжетах календарной обрядности см.: [Крашенинникова 2017; Крашенинникова, Низовцева 2018; Крашенинникова 2019 и др.].

² Семик принято относить к троицкой обрядности (см., например: [Агапкина 2012б, 320]); мы рассматриваем его в рамках пасхальной традиции как день, который является частью пасхального поминального периода; в церковном календаре Святая Троица завершает 50-дневный пасхальный цикл. О праздновании Троицы в русских заводских поселениях см. в работе: [Крашенинникова 2021, 341–355].

³ Храмы в п. Нючпас и Кажым были закрыты в 1930-е гг., в п. Нювчим церковь была разрушена в конце 1920-х гг.

⁴ Здесь и далее в статье указываем данные собирателя в сокращенном виде (ЮАК — Ю. А. Крашенинникова, СГН — С. Г. Низовцева, ПАИ — П. А. Истомина (Шахматская), АНР — А. Н. Рассыхаев).

Соб. СГН, АНР. 2011 г.). Основная цель воздействия — дать здоровье и защитить от болезней.

Веточки вербы ставили к иконам или втыкали за матицу. В Егорьев день (6 мая) с их помощью совершали первый выгон домашних животных на пастбище, затем втыкали над входом в хлев или закапывали в землю во дворе, чтобы животное возвращалось домой с пастбища: *«Крестик поставишь по спине вербочкой, чтобы с Богом, со Христом скотина вышла со двора и пришла. Чтобы Бог сохранил. Говорили про себя: "Господи, спаси, сохрани. Благослови, Христос"»* (Зап. от Н. В. Кушховой, 1952 г.р., п. Нючпас. Соб. СГН, ПАИ. 2013 г.). По другим сведениям, ветки вербы надо сжечь в печи или бросить в реку, чтобы, например, *«коров медведь не задрал летом»* (Зап. от Г. Н. Михайловой, 1928 г.р., п. Нючпас. Соб. ЮАК. 2013 г.). Эти представления актуализируются в рассказах о нарушении предписания: например, информант из п. Нючпас не сожгла вербу, которой выгоняла овцу в первый раз на пастбище, а бросила эту ветку животному вслед, — овца не вернулась домой.

Чистый четверг — один из важных и ритуально насыщенных праздников пасхального цикла — именовали *Чистый, Великий, Страстный/Страстной, Страшный* (*«Кто говорит — Страшный, кто — Великий, всяко»*). Каждое из этих названий актуализирует семантику праздника: *Великий* — значительность и величие, *Чистый* — чистоту, *Страстный* — страдание, *Страшный* — страх.

К Чистому четвергу были приурочены прежде всего очистительные ритуалы. В этот день убрали в доме (скоблили, мыли полы, стены, полаты и полки; белили потолок и стены; мыли утварь), посещали баню: *«В Чистый четверг везде надо полы помыть, всё в улах помыть. В баню ходят, моются, это тоже чистятся»* (Зап. от Е. Н. Кармановой, 1944 г.р., п. Нючпас. Соб. ЮАК. 2013 г.); *«Чистый четверг потому, что чтоб с чистой душой встречай Господа Бога»* (Зап. от Н. В. Гурьевой, 1938 г.р., п. Кажым. Соб. СГН. 2022 г.).

Зафиксированы немногочисленные свидетельства, что на Великий четверг к иконам ставили хлеб и соль; это, по словам информантов, расценивалось как благодарность Богу: *«Как бы от Бога спасибо,*

что мы не голодные» (Зап. от А. Н. Соболевой, 1946 г.р., п. Нючпас. Соб. ЮАК. 2013 г.). В п. Кажым записано единичное свидетельство о приготовлении и значении четверговой соли. Каждый член семьи должен взять щепотку соли из общей миски и положить на отдельное блюдо, которое ставили к иконам. Эта соль приобретала целительные свойства: ее давали заболевшим людям (Зап. от Ф. С. Шишнёвой, 1948 г.р., п. Кажым. Соб. ЮАК. 2013 г.). Апотропейные свойства четверговых хлеба и соли проявляются также при лечении домашних животных.

Номинация «Страшный» связана с представлениями об особой активности в четверг колдунов, которые могли испортить животных и человека, в связи с чем предпринимались различные охранительные ритуалы (перекрещивание дверей в хлевах и домах, обрызгивание святой водой животных и пр.), накладывались запреты и давались предписания, например: *«нельзя в этот день ругаться»* (Зап. от Л. Д. Будреевой, 1932 г.р., п. Кажым. Соб. ЮАК. 2010 г.); *«в этот день колдуны ходят, скотину изурочивают, поэтому рисовали углем кресты на хлевах — отпугивали нечистую силу»* (Зап. от Л. В. Семячкова, 1944 г.р., п. Нювчим. Соб. ЮАК. 2015 г.); *«Страшный четверг. Это мы уже не соблюдали. <Старики говорили, что> в это время надо дома быть, тихо жить, вечером, чтобы тишина была в доме, ни криков, ни матов, будто бы черти ходят наверху на крыше. Нам так говорили, что если вы ругаетесь, то черти там танцуют, будто бы на крыше радуются. Надо тихо-тихо жить, это Страшный четверг»* (Зап. от И. И. Ефимовой, 1934 г.р., п. Нювчим. Соб. ЮАК. 2015 г.); *«<Соб.: Кресты ставили?> Да, на хлевах особенно, перекрестишь хлев да чё да, на двери тоже. В этот день <ходили колдуны>, которые могли порчу навести. От их-то кресты и ставили, от нечистой силы-то. Говорили, что <они> скота портили чё ли. <...> хвосты резали»* (Зап. от Л. Г. Кармановой, 1934 г.р., п. Нювчим. Соб. СГН, ПАИ. 2015 г.).

Сведения об активности колдунов записаны в основном в п. Нювчим, который расположен ближе к коми деревням, и процент проживающего в нем коми населения выше, соответственно взаимодействие русских и коми было интенсивнее.

Вероятно, этим объясняется большая развитость традиции, связанной с перекрещиванием домов на Великий четверг⁵.

Записаны единичные свидетельства, что четверг называли Чистым, а Страшного считали пятницу, — произошло «разделение» функций Чистого/Страшного четверга, часть из которых была перенесена на пятницу: четверг — чистый, связывается исключительно с уборкой, а пятница — страшная/страшная, мотивируется активностью колдунов, запретом на работу. С другой стороны, номинация 'страшная' в народной интерпретации могла появиться путем трансформации христианского термина 'страстная'⁶ в более понятное простому обывателю слово (страстная > страшная): «А Страшная пятница, по-моему, это в этот день какие-то злые духи или как это раньше были, боялись, как бы черти носят по поселку. Поэтому называется Страшная пятница. Не Страшная, а именно Страшная» (Зап. от Н. А. Бабиченко, 1944 г.р., п. Кажым. Соб. СГН. 2022 г.); «Чистый четверг. Все делали уборку. В этот день прибирались к Пасхе все. А в пятницу — Страшная пятница — уже нельзя <работать>. Называли уже Страшная, это уже ничего не делали, перед Пасхой уже ничего не делали... Почему Страшная, говорят, в пятницу уже ничего нельзя <делать>. Будто бы колдуны ходят...» (Зап. от И. И. Ефимовой, 1934 г.р., п. Ньючим. Соб. СГН. 2019 г.).

В числе единичных отметим четверговые ритуалы, имеющие продуцирующий и апотропеический характер, отсылающие к скотоводческим магическим практикам северных русских. Так, на Чистый четверг коровам обрезали хвосты и обрезанную шерсть клали в сарай, чтобы корова «огуливалась»⁷ (Зап. от А. М. Володичевой, 1947 г.р., п. Ньюпас. Соб. СГН. 2017 г.).

На дверях хлева и дома углем рисовали кресты, «чтобы скотина велась»⁸, не боела» (Зап. от Е. Н. Кармановой, 1944 г.р., п. Ньюпас. Соб. СГН. 2017 г.), «скот в хлеву обрызгивали святой водой, освящали животных и дом» (Зап. от И. Н. Кузьминой, 1927 г.р., Н. К. Задорожной, 1955 г.р., п. Кажым. Соб. ЮАК. 2013 г.). Чтобы корова возвращалась домой с пастбища, на Чистый четверг хозяин и хозяйка проводили ритуал. Хозяин, стоя на улице около открытого окна, спрашивал: «Корова-то дома, нет?», а хозяйка, находясь в доме, отвечала: «Дома, дома», после чего закрывала окно⁹ (Зап. от А. М. Володичевой, 1947 г.р., см. выше).

Зафиксированы также немногочисленные свидетельства, что на Великий четверг считали деньги, «чтобы в доме деньги велись», «каждый четверг надо считать деньги, по три раза»; также рекомендовали перебрать хорошие новые вещи, чтобы «они (новые вещи. — С. Н., Ю. К.) прибывали в доме». В п. Кажым записаны сведения, что в этот день бегали по насту, возможно, эти действия должны были принести здоровье, силу и красоту¹⁰.

В Чистый четверг (или накануне Пасхи в субботу) в этих традициях приносили веточки пихты, раскладывали на пороге, под столом, ставили к иконам: «<В Чистый четверг> мы ходили за пихтой. И везде пихту ложили, и к иконам ложили. И под столом раньше дома ложили эту пихту, и везде на пол, вымоешь — и ложили. К иконам и ложили пихту с обеих сторон. <Соб.: А почему?> Не знаю. <Соб.: Она сколько дней лежала?> Полежит, пока пахнет, потом убирают» (Зап. от Е. Н. Кармановой, 1944 г.р., см. выше).

В объяснениях информантов актуализируется несколько мотивов: пихту раскладывают для приятного запаха («чтобы

⁵ В частности, в традиции коми широко распространены представления об активизации демонологических персонажей в ночь на Великий четверг, см.: [Лобанова 2012].

⁶ В Страстную неделю, по евангельскому преданию, Христос испытал страдания («страсти») на кресте.

⁷ Огуливаться — от «обгуливать» — становится стельной, беременной (о корове, кобыле) [Ефремова 2000].

⁸ В значении: плодилась, размножалась.

⁹ Магические практики и ритуалы, направленные на плодovitость, здоровье и сохранность домашних животных, были зафиксированы, к примеру, в русской традиции с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми [Крашенинникова 2014, 181–189].

¹⁰ Ср. с русскими материалами, записанными в с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми: в Великий четверг рано утром дети бегали по насту, «чтобы бойчае быть»; хозяйки считали деньги, «чтобы деньги были весь год» [Крашенинникова 2014, 184].

в доме пахло хорошо»), защиты от колдунов («очищают дом от злых духов, от порчи; чтобы колдуньи не могли заколдовать»), связь с Иисусом Христом («Иисус Христос по пихте ходил», «Бог по пихте заходил»), традиционность ритуала («это так заведено, что ли»).

На апотропейное значение хвойных деревьев, в том числе пихты, указывают исследователи: «Особая защитная сила приписывалась пахучим, жгучим и колючим растениям. Хвойные деревья (ель, кедр, можжевельник, пихта, сосна), обладающие специфическим запахом и иголками, использовались в защитных целях повсеместно» [Усачева, Чёха 2009, 413]. На украшение домов пихтовым лапником как особенность пасхальных традиций русского населения Западной Сибири обращает внимание Т. Н. Золотова. Она отмечает продуцирующий, апотропейный и эстетический характер пихтового ритуала: «Роль пихты в пасхальном цикле определялась приписыванием ей особых сил, непрерывно возрождающих жизнь в растительном мире, что имеет корни в культуре растительности. Эти силы необходимо было использовать для роста хлебов и благополучия людей. Ветки пихты (как всё острое) могли выступать в роли апотропея, а также для удовлетворения эстетических потребностей людей» [Золотова 2015, 100, 102].

С Великим четвергом связана примета: «Если на ночь Страшного четверга ночью будет мороз — будет сорок утренников (т.е. в последующие 40 дней будут морозы. — С. Н., Ю. К.)» (Зап. от Г. С. Дмитриевой, 1938 г.р., п. Нювчим. Соб. СГН, ПАИ. 2015 г.); «Вот на четверг страстной если заморозок ударит, то будет сорок утренников мороза» (Зап. от С. И. Васильева, 1937 г.р., см. выше).

Пятницу накануне Пасхи номинировали Великодённная пятница, Страстная пятница, Страшная пятница. Считалось, что это самый скорбный день церковного года — именно в пятницу свершилось распятие и крестная смерть Спасителя [Некрылова 2007, 675], отсюда появился термин 'страстная' < 'страсть как страдание'¹¹. О номинации 'страшная пятница', мотивированной значением страха

в связи с активностью нечистой силы, и / или модификацией слов ('страстная' > 'страшная'), мы писали выше. Каких-либо ритуалов, имевших место в этот день, не зафиксировано. «Скорбный характер и великопостные ограничения стали причиной запретов, накладываемых на хозяйственную деятельность и бытовое поведение» [Агапкина 2012а, 176], в частности, в сообщениях информантов говорится: «В Великодённную пятницу ничего не делали» (Зап. от И. Н. Кузьминой, 1927 г.р., Н. К. Задорожной, 1955 г.р., см. выше), «Самый страстный день, надо постить, вообще ничего не есть» (Зап. от Т. С. Филёвой, 1934 г.р., п. Кажым. Соб. СГН. 2017 г.); «<Соб.: В пятницу что-то делали особенное?> Нет, я только слышала от матери, она дочке говорила: "Не ходи в клуб, сегодня Великодённная пятница. На пятницу не надо ходить в клуб"» (Зап. от Д. Н. Шишнёва, 1932 г.р., п. Кажым. Соб. ЮАК. 2013 г.).

Предпасхальная суббота в этих традициях, как и повсеместно, была связана с активными приготовлениями к празднику: «В субботу она <мама информанта. — С. Н., Ю. К.> стряпала, готовила вот к Пасхе, что нужно. Яйца красила, стряпала, всё это делала в субботу» (Зап. от В. М. Поповой, 1947 г.р., п. Нювчим. Соб. СГН. 2019 г.). По воспоминаниям информантов, когда еще функционировали церкви, родители и бабушки информантов обязательно посещали церковные пасхальные службы: «Ночная служба, как бабушка говорила, в ночную сходят, придут, начинают сразу что-то готовить к Пасхе. До этого они не едят ничего... <...> Ночью топят печки, пекут там шаньги, выпекают всего, готовят. До заутренней приготовят всего, потом сходят в церковь — заутреннюю отстоят. Как по настоящему-то. А потом придут, только садятся за стол тогда, когда всё приготовлено, напечёно, яйца покрашены» (Зап. от Л. В. Вавиловой, 1930 г.р., п. Кажым. Соб. СГН, ПАИ. 2013 г.).

Во всех трех поселениях записаны сведения о ритуале стрельбы из ружей. Вечером накануне Пасхи в субботу («накануне церковной службы», «часов в 8, 10 вечера», «в 12 часов ночи») стреляли из ружей;

¹¹ *Страсть* — в значении 3. преимущ. мн. Страдание, мучение (книжн., старин.). Страсти Христовы (церк.) [Ушаков 1940, слбб 548].

исполнение этого ритуала не прерывалось даже в Великую Отечественную войну. В п. Нючпас стреляли в том числе из пушки. Какое-то время из пушки стреляли и в Кажыме, пока не произошел несчастный случай: по каким-то причинам пушка разорвалась и пострадали люди («На Пасху стреляли из ружей. На колокольне церкви была маленькая медная пушка, палили во время службы, чтобы выгнать бесов. На годовщину Октябрьской революции пушку разорвало — люди поранились») (Зап. от Д. Н. Шишнёва, 1932 г.р., п. Кажым. Соб. АНР, ПАИ, В. Б. Липин. 2010 г.). Большинство информантов не могли объяснить смысл данных ритуальных действий, от некоторых удалось записать следующие разъяснения: стреляют, потому что «Пасху встречают»; «Встречают Христа»; «Чтобы звери боялись... Злых духов отгоняли»; «Это так положено, Иисус воскрес, Иисус же воскрес — радуются!». В единичном свидетельстве информант говорит, что «надо было в лесу стрелять, чтобы дичь попадалась <чтобы везло в охоте¹². — С. Н., Ю. К.» (Зап. от Е. Н. Кармановой, 1944 г.р., п. Нючпас. Соб. СГН. 2022 г.).

Информация о стрельбе на Пасху зафиксирована также у русских переселенцев Тоболо-Иртышского региона Западной Сибири: «В полночь в Сибири было принято стрелять из ружей, что сохранилось до сих пор: “В 12 часов стреляют добры люди — Иисуса Христа встречают” [Золотова 2015, 97]. В отдельных районах Республики Коми также стреляли на Пасху. По поверьям коми, как отмечал Н. Д. Конаков, в ночь на Пасху злые духи и их пособники — колдуны, как и в ночь на Великий четверг, были особенно активны, и чтобы отпугнуть злые силы, в эту ночь стреляли из ружей [Конаков 1993, 58]. На Удоре после первого удара колокола в день Пасхи каждый, кто имел ружье, выходил на улицу и три раза стрелял в воздух [Плесовский 1968, 152].

Таким образом, стрельба на Пасху могла иметь, с одной стороны, охранительный характер (защита от нечистой силы), с другой стороны, оповестительную функцию (встреча и предвкушение праздника). Возможно, стрельба

заменяла колокольный звон в период закрытия и разрушения церквей. В настоящее время традиция стрельбы из ружей сохраняется, но вместо оружия местные жители стали использовать фейерверки и салюты: «<Соб.: Говорят, на Пасху у вас стреляют?> Да, стреляют. Ну щас запрещают. Раньше свободно. Палили, весь патронташ выдают в небо. <Соб.: Зачем?> Христа поздравляют, салютуют. Как же! В Москве тоже салютуют, у нас тоже — свой салют» (Зап. от Л. В. Семячкова, 1944 г.р., п. Нювчим. Соб. СГН. 2019 г.).

Записаны сведения об игре солнца на Пасху и прогностическом характере этого явления. По поведению солнца на Пасху — «как солнце играет» — определяли погоду на будущее или само будущее: «А солнце ведь верно играет, заметно, когда смотришь. Солнышко-то всходит по горизонту, красота» (Зап. от А. М. Соколовой, 1927 г.р., п. Нювчим. Соб. ЮАК. 2008 г.). Если солнце играет, ярко, красиво светит, «гудит» — то всё будет хорошо: «Вот в Пасху в ночь ходили мы <гадать> — будет войне, не будет войне. Вот мы ходили — солнце играет, не играет солнце. И вот в Пасху оно должно играть. <...> И вот я маленький тоже ходил. Играет, и гудит, гудит, гудит! Так это приятно, всё хорошо будет! <...> Вот всегда в Пасху мы смотрели солнце. Обычай такой был. Очень боялись войны. <Если оно играет красиво>, оно крутится всеми цветами радуги, что только не творит это солнце, именно в Пасху! В остальные дни смотрим — нету. <Соб.: Это значит хорошо?> Да, да, да. А когда не выйдет солнце, мутно, пасмурно — быть войне..., когда оно невеселое, нерадостное» (Зап. от П. М. Ермакова, 1944 г.р., п. Нювчим. Соб. СГН, ПАИ. 2019 г.). По одному из свидетельств, записанных в п. Кажым, на Пасху дети могли смотреть на солнце через стеклышки, зачерненные сажей от горения спички (Зап. от Л. Н. Васильевой, 1937 г.р., п. Кажым. Соб. СГН. 2022 г.).

Уместно упомянуть, что многочисленные свидетельства об игре солнца на Пасху зафиксированы, например, у вятских переселенцев в Марий Эл [Золотова 2019, 44], на территории Ульяновского Присурья [Матлин 2012, 237] и др. Как отмечает

¹² Магические практики, связанные со стрельбой, зафиксированы у западных и восточных славян, большая их часть посвящена именно удаче в промыслах [Агапкина 2002, 166–167].

Е.Е. Левкиевская: «Пасхальная радость выражается через характерный для восточных славян мотив “игры солнца”, вписывающий главное евангельское событие в рамки весеннего обновления природы» [Левкиевская 2012, 64]. Выражение «солнце радуется (= играет, гудит)»¹³ согласуется с общей семантикой праздника — радость по поводу воскресения Иисуса Христа.

Записаны сведения об обходах домов в воскресный пасхальный день местными жителями без участия священника. Заходили в дом, христосовались, произносился ритуальный диалог: «Христос воскрес! — Воистину воскрес!», обменивались крашеными яйцами.

На Пасху качались на качелях (в народной терминологии «*качу́ли*»). Записаны сведения о нескольких видах качелей: в виде большого столба с натянутыми веревками; в виде доски, положенной поперек бревна; в виде большой доски, закрепленной цепями: «Там качу́ля была, столб. Всегда там качались. Такой здоровый, 5 метров, столб поставят. Кругом верёвки натянут...» (Зап. от Г.Н. Михайловой, 1928 г.р., см. выше); «<Качели> делали с брёвен, потом у кого цепи, у кого что, качались на качелях» (Зап. от П.Н. Козловой, 1942 г.р., п. Нючпас. Соб. ЮАК. 2013 г.); «Качу́ля была на цепях, такая большая была. И доска, и на доске танцующую людей сидели» (Зап. от И.Н. Кузьминой, 1927 г.р., Н.К. Задорожной, 1955 г.р., см. выше). Этому средству досуга в народной культуре, как отмечают исследователи, приписывались магические функции (прежде всего продуцирующая и апотропейческая). Качание на качелях соотносится с оппозицией динамики и статики и наделяется положительными значениями [Агапкина 1999, 480]. По мнению Н.Д. Конакова, качели выступают универсальным символом цикличности годовых природных процессов, циклического движения солнца и цикличности времени [Конаков 1993, 59].

Основным атрибутом Пасхи была пасхальная пища: пекли шаньги, пироги, куличи (повсеместно), в п. Нювчим делали *паску* из творога и изюма. Главным символом Пасхи являются крашеные яйца. Их красили в основном в красный цвет, используя луковую шелуху. Как отмечает

А.Ф. Некрылова: «Яйцо было символом возрождения и обновления, плодovitости и жизненной силы... Красный цвет ритуального яйца в древней символике ассоциировался с образом солнца, а позднее с кровью Христа» [Некрылова 2007, 683]. С разговления пасхальным яйцом начиналось пасхальное утро. Во многих традициях известен обычай делить первое яйцо между членами семьи, собравшимся за пасхальным столом [Агапкина, Белова 2012, 628]. В наших поселениях также записаны сведения о том, что разрезали на части одно яйцо (как правило, по количеству едоков) и все члены семьи должны были съесть по кусочку: «это называется “постятся”» (Зап. от Е.Н. Кармановой, 1944 г.р., п. Нючпас. Соб. СГН., 2017 г.); «Яйцо разобьём и на четыре части делим его, чтоб <каждому досталось>. И хоть и сейчас, хоть и много яиц, а всё равно разрезаешь и делишь на четыре части. Чтобы на четверых разделить яичко. Почему-то, не знаю почему. И сейчас делим, хоть и яиц много. Потом-то едим хоть сколько» (Зап. от П.Н. Козловой, 1942 г.р., п. Нючпас. Соб. ЮАК. 2013 г.) «Одно яичко мы на десять человек делили, кусочки вот так ели в Пасху» (Зап. от Г.Н. Михайловой, 1928 г.р., п. Нючпас. Соб. ЮАК. 2013 г.). «В данной смысловой линии пасхальная пища выступает как пища ритуальная, символизирующая собой единое целое, которое разделяется на равные доли между всеми членами рода и актуализирует их единство» [Левкиевская 2012, 62]. В п. Нювчим зафиксирована информация, что также куличи пекли на каждого члена семьи. Один кулич оставляли, чтобы в Родительскую Пасху (через 9 дней после Пасхи), во вторник, принести на кладбище (Зап. от И.И. Ефимовой, 1934 г.р., п. Нювчим. Соб. ЮАК. 2015 г.).

Много представлений и действий связано с пасхальным яйцом. Яйцами обменивались, стучались (тот, чье яйцо уцелело, забирал себе поврежденное), при этом могли загадывать желание. На Пасху взрослые и дети катали яйца, как правило, дома (на столе или на полу): «В Пасху <играли с яйцами>. У нас дед раньше, с Сибири он был, всегда яйца мы сварим, накрашим, он сделал желобок, постелем одеяло, эти яйца катали. Сын-то катал, и он

сам катал, потом брат приходил, катали яйца. Это в самую Пасху. <Соб.: Как катают, что нужно было сделать?> Ну, чтоб не разбилось, оно бежит, яйцо, чтобы не стукнулось. Кто больше выбьет, значит, тот выиграл яйца. Чтобы не стукнулось, оно бежит, бежит и сворачивается; если стукнешь, значит, он выиграл, он его заберёт, к себе кладёт. Потом опять, если он не стукнется, у него другой берёт, опять катает, чтоб не стукнулись яйца» (Зап. от Д. И. Белых, 1938 г.р., п. Нючпас. Соб. СГН, АНР. 2011 г.). В п. Кажым записана единичная информация, что яйца могли катать на улице возле церкви.

Во многих семьях пасхальное яйцо клали к иконам и хранили в течение года («лежит от Пасхи до Пасхи»). Существовал запрет выбрасывать это яйцо: его можно было закопать в землю, скормить скоту или унести в Радуницу, Семик на кладбище. Зафиксированы представления, что пасхальное яйцо не портится, наделено защитными и целебными свойствами: оберегает дом от пожара, если находится в доме или помогает тушить огонь. Яйцо использовали при лечении скота: им проводили по хребту заболевшего животного.

Пасхальные яйца были обязательным атрибутом пасхальной поминальной обрядности: в Радуницу их уносили на кладбище, катали по могилам и оставляли там («христосуются с умершими родственниками»).

Радуница (*Радульница, Радоница, Родительская Пасха, Родительский день*) — поминальный день, который приходится на девятый день после Пасхи. Принадлежность этого поминального дня к пасхальной тематике актуализируется и в народной терминологии: Радуница — это «Пасха для покойников», «Пасха для усопших», «на Радуницу у умерших Пасха», «говорили, что это у родителей Паска», «родители радуются». В Радуницу поминают умерших родственников, как правило, ходят на кладбище, с собой берут традиционную поминальную пищу — яичницу, кисель, яйца, блины, кутью: «С узелками бабки идут, яишницу наварят, яйца испекут и идут все. <Соб.: Брали яйца, выпечку и яишницу?> Да, яишницу. <Соб.: Яйца на могилу клали?> Да, потом сами поминали,

ели. <Соб.: Не катали яйца?> И катали по могиле, да. <Соб.: Что говорили?> Ну так, что-то скажут, да не помню, что. Крестики еще ставят на свежих могилах. По могилке вот так крестики пальцем, рукой <рисуют>... <Соб.: Это всем или только недавно умершим?> Можно и всем, хоть кому» (Зап. от Е. Н. Кармановой, 1944 г.р., см. выше). Некоторые жители приносят с собой крупу (в основном пшено) и сыплют вокруг могилы, «чтобы птички поминали». Основной смысл обрядов и обычаев Святой недели, приуроченных к посещению кладбища, — «насушенная необходимость разделить с покойными родственниками радость о воскресении Христа», с одной стороны, и «поминование, точнее, ежевесеннее «обновление памяти»», с другой. Обряд пасхального «поздравления-поминования» умерших, по мнению М. Н. Власовой, может быть обращен и к покойнику, который, согласно поверьям, пребывает в могиле либо к ней возвращается, и к душе покойника, приходящей к месту погребения из мира иного на время Пасхи [Власова 2009, 80, 85].

В контексте поминальной традиции отметим и другой поминальный день — **Семик**, который приходится на четверг перед праздником Святой Троицы (или седьмой неделе после Пасхи) и перекликается с Радуницей. В Семик традиционно поминают тех, кто умер не своей смертью, кого в Радуницу нельзя было помянуть. В Семик в поселках Нючпас и Кажым, так же как в Радуницу, посещали кладбище, приносили поминальную пищу, в том числе яйца: «Другой день бывает — Семик. Вот который повесился, утопился — Семик бывает, перед Троицей, что ли. Ходят поминают утопленников, удушенников. <Соб.: Как ходят на кладбище помянуть?> Яйца несём, крашеные яйца. Кисель там заварим, рыбу сварим. Кто вино, кто сок. Помянем. Блины пекум» (Зап. от Е. Н. Кармановой, 1944 г.р., см. выше). Один из информантов сообщил, что Семик называли Зубоскал, и дал объяснение этой номинации: «Когда человек повесится, он зубы-то скалит» (Зап. от И. М. Добровой, 1934 г.р., п. Кажым. Соб. СГН, ПАИ. 2013 г.). От этого же информанта в 2017 г. записана интересная фенологическая примета: «Пока Скалозуба¹⁴

¹⁴ Скалозуб — инверсия слова Зубоскал.

не помянут, погоды не будет» (вариант: «Пока Скалозуба не помянешь, погода не успокоится»).

Анализ пасхального цикла, включающего Вербное воскресенье, Чистый четверг, Страстную пятницу, Пасху и примыкающие к последней Радуницу и Семик, позволяет говорить о весьма развитой пасхальной традиции у заводского русского населения Республики Коми. Наблюдения показывают, что терминология, ритуальные практики, восприятие праздников в интересующих нас местностях обнаруживают близкие варианты во многих локальных традициях России. В целом календарной традиции заводских русских свойственна универсальность обрядовых форм на уровне ритуальной атрибутики и моделей поведения. Устойчивыми элементами пасхальной

обрядности можно назвать хождение за вербой (Вербное воскресенье), мытье и чистка дома (Великий четверг), приготовление обрядовой пищи (на Пасху крашение яиц, выпечка куличей и пирогов), выполнение действий, связанных с обрядовыми атрибутами (хранение в доме веточек вербы, использование их при первом выгоне скота), посещение кладбища в родительские дни. Вместе с тем ритуальный и мифологический смысл некоторых практик переосмысливается или утрачивается вовсе (например, хлестание вербными ветками, перекрещение хлева и др.). Отличительной особенностью местных календарных традиций является оформление пихтовыми ветками жилого пространства и стрельба из ружей/пушки накануне праздника Светлой Пасхи, а также наблюдение за игрой солнца в день Пасхи с целью определения будущего.

Источники

Ефремова 2000 — *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 20.04.2023).

Ушаков 1940 — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940.

Исследования

Агапкина 1999 — *Агапкина Т.А.* Качели // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. Д (Давать) — К (Крошки). М.: Междунар. отношения, 1999. С. 480–483.

Агапкина 2002 — *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Агапкина 2012a — *Агапкина Т.А.* Страстная пятница // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. С (Сказка) — Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012. С. 175–178.

Агапкина 2012b — *Агапкина Т.А.* Троица // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. С (Сказка) — Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012. С. 320–325.

Агапкина, Белова 2012 — *Агапкина Т.А., Белова О.В.* Яйцо пасхальное // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. С (Сказка) — Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012. С. 626–632.

Власова 2009 — *Власова М.Н.* Пасха мертвых (по фольклорно-этнографическим материалам XIX–XX вв.) // Временник Зубовского института. 2009. № 3. С. 78–91.

Золотова 2015 — *Золотова Т.Н.* «Светлое Христово воскресенье»: о традициях празднования Пасхи в Западной Сибири // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Матер. Междунар. науч. конф., посв. 25-летию Центра устной истории и этнографии лаборатории ист. краеведения Алтайского гос. пед. ун-та (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / Под ред. Т.К. Щегловой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. пед. ун-та, 2015. С. 96–102.

Золотова, Ефимова, Плотникова 2019 — *Золотова Т.А., Ефимова Н.И., Плотникова Е.А.* Традиции русского фольклора Республики Марий Эл (на материале народного календаря вятских переселенцев) // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 5. С. 35–52.

Конаков 1993 — *Конаков Н.Д.* От Святков до сочельника: Коми традиционные календарные обряды. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.

Крашенинникова Ю.А. Локальные традиции как этнические маркеры (ритуалы и поэзия Великого четверга с Лойма на материалах XXI в.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 11. С. 181–189.

Крашенинникова 2017 — *Крашенинникова Ю.А.* История горнозаводских поселений Республики Коми в местной устной прозе (к вопросу об источниках и механизмах формирования фольклорного репертуара) // Человек и событие в исторической памяти: Сб. ст. / Отв. ред. Ю.А. Крашенинникова. Сыктывкар: Коми республиканский институт культуры, 2017. С. 10–18.

тытвар: Центр оперативной полиграфии, 2017. С. 132–147.

Крашенинникова 2019 — *Крашенинникова Ю.А.* Современная праздничная культура русского населения пос. Кажым Койгородского района Республики Коми: Николин день // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 5. С. 23–34.

Крашенинникова 2021 — *Крашенинникова Ю.А.* Троицкий обряд «Похороны березки» в заводском поселении Кажым Республики Коми (наблюдения над обрядом в синхронии и диахронии) // Наука о фольклоре в XX веке: традиция и метод: Матер. науч. чтений, посв. 125-летию П.Г. Богатырева (Москва, 25–26 октября 2018 г.) / Ред.-сост. Л.В. Фадеева, С.В. Алпатов, С.П. Сорокина. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2021. С. 341–355.

Крашенинникова, Низовцева 2018 — *Крашенинникова Ю.А., Низовцева С.Г.* Рождественские обходы в русских традициях горнозаводских поселений Республики Коми (в записях XXI века) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. № 4. С. 28–43.

Левкиевская 2012 — *Левкиевская Е.Е.* Пасхальная пища и пасхальное застолье в советское время как инструмент сохранения религиозной или семейной идентичности // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 58–70.

Лобанова 2012 — *Лобанова Л.С.* Магия Великого четверга в скотоводческой практике коми // Фольклористика Коми: Региональные

фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте / Отв. ред. П.Ф. Лимеров. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2012. С. 103–123. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; Вып. 70).

Матлин 2012 — *Матлин М.Г.* Пасха // Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь. Т. 2 / Отв. ред. И.А. Морозов, М.П. Чередникова. М.: Индрик, 2012. С. 231–249.

Некрылова 2007 — *Некрылова А.Ф.* Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. СПб.: Азбука-классика, 2007.

Плесовский 1968 — *Плесовский Ф.В.* Свадьба народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968.

Толстая 1986 — *Толстая С.М.* Солнце играет // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1986. С. 8–11.

Толстой, Усачева 1995 — *Толстой Н.И., Усачева В.В.* Вербa // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. А (Август) — Г (Гусь). М.: Междунар. отношения, 1995. С. 333–336.

Усачева, Чёха 2009 — *Усачева В.В., Чёха О.В.* Растения-обереги // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. П (Переправа через воду) — С (Сито). М.: Междунар. отношения, 2009. С. 412–413.

© С.Г. Низовцева,
Ю.А. Крашенинникова, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Низовцева С.Г. <https://orcid.org/0000-0003-4197-1850>

Кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН: Российская Федерация, Республика Коми, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; тел.: +7 (8212) 20-17-02; e-mail: svetlananiz@mail.ru

Крашенинникова Ю.А. <https://orcid.org/0000-0002-2045-4486>

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая сектором фольклора Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН: Российская Федерация, Республика Коми, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; тел.: +7 (8212) 20-17-02; e-mail: krashennnikova@rambler.ru

Calendar and Ritual Culture of the Russian Mining Population of the Komi Republic: The Easter Cycle

Svetlana G. Nizovtseva
Yuliya A. Krasheninnikova

(Institute of Language, Literature and History, Federal Research Center, Komi Science Centre,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences:
26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation)

Summary. This article is devoted to the calendar traditions of the old-time Russian mining settlements of the Komi Republic, the appearance of which is associated with the opening of mines for iron ore on these territories in the middle of the eighteenth century and the construction of iron smelting factories. It considers the verbal, performative and physical components of the folk holidays that form the Easter cycle. The authors present material recorded in the period 2008–2022, detailed texts that describe ritual patterns of behavior and magical practices. Comparative typological analysis reveals a very developed Easter tradition among Russians factory workers of the Komi Republic. It also shows that its terminology, ritual practices, and perception of the given holidays are closely related to many other local traditions in Russia. In general, the calendar traditions of Russian factory settlements are characterized by a universality of ritual forms at the level of ritual attributes and behavioral patterns. We may consider such persistent elements of Easter traditions “willow-tree walking” (on Palm Sunday); washing and cleaning the house (on Clean Thursday); cooking ritual food; and visiting the cemetery on parents’ anniversaries. At the same time, the ritual and mythological meaning of some practices is rethought or lost altogether (for example, whipping with willow branches and crossing a stable). A distinctive feature of local calendar traditions is decorating living space with fir boughs and shooting guns or canons on the eve of Easter, as well as observing the play of the sun on Easter day in order to predict the future.

Key words: calendar traditions, Russian mining settlements, Komi Republic, Easter cycle, folk culture.

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of the planned research and development topic reg. No. 121051400044–2.

Received: March 1, 2023.

Date of publication: November 25, 2023.

For citation: Nizovtseva S. G., Krasheninnikova Yu. A. Calendar and Ritual Culture of the Russian Mining Population of the Komi Republic: The Easter Cycle. *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 24. Pp. 22–34. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.4.002>

References

- Agapkina T. A.** (1999) Kacheli [Swings]. In: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Pp. 480–483. In Russian.
- Agapkina T. A.** (2002) Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letnii tsikl. [Mythopoietic Foundations of the Slavic Folk Calendar. The Spring-Summer Cycle]. Moscow. In Russian.
- Agapkina T. A.** (2012a) Strastnaya pyatnitsa [Good Friday]. In: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Pp. 175–178. In Russian.
- Agapkina T. A.** (2012b) Troitsa [Trinity]. In: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Pp. 320–325. In Russian.
- Agapkina T. A., Belova O. V.** (2012) Yaitso paskhal'no [Easter Egg]. In: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Pp. 626632. In Russian.
- Konakov N. D.** (1993) Svyatok do Sochel'nika: Komi traditsionnye kalendarnye obryady [Christmastide to Christmas Eve: Komi Traditional Calendar Rites]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo. In Russian.
- Krasheninnikova Yu. A.** (2014) Lokal'nye traditsii kak etnicheskie markery (ritualy i poeziya Velikogo chetvergа s. Loima na materialakh XXI v.) [Local Traditions as Ethnic Markers (Ritu-

als and Poetry of Great Thursday in the Village of Loima Based on Materials From the Twenty-First Century)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University of the Humanities]. 2014. No. 11. Pp. 181–189. In Russian.

Krasheninnikova Yu. A. (2017) Istoriya gornozavodskikh poselenii Respubliki Komi v mestnoi ustnoi proze (k voprosu ob istochnikakh i mekhanizmax formirovaniya fol'klornogo repertuara) [The History of Mining Settlements of the Komi Republic in Local Oral Prose (On the Issue of Sources and Mechanisms of Forming the Folklore Repertoire)]. *Chelovek i sobytie v istoricheskoi pamyati* [Man and Event in Historical Memory]. Pp. 132–147. In Russian.

Krasheninnikova Yu. A. (2019) Sovremennaya prazdnichnaya kul'tura russkogo naseleniya pos. Kazhym Koigorodskogo raiona Respubliki Komi: Nikolin den' [Modern Festive Culture of the Russian Population of the Village of Kazhym, Koygorodsky District of the Komi Republic: Nikolin Day]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2019. Vol. 20. No. 5. Pp. 23–34. In Russian.

Krasheninnikova Yu. A. (2021) Troitskii obryad "Pokhorony berezki" v zavodskom poselenii Kazhym Respubliki Komi (nablyudeniya nad obryadom v sinkhronii i diakhronii) [The Trinity Rite of the "Birch Funeral" in the Mining Settlement of Kazhym of the Komi Republic (Observations of the Rite in Synchrony and Diachrony)]. In: *Nauka o fol'klоре v XX veke: traditsiya i metod* [The Science of Folklore in the Twentieth Century: Tradition and Method]. Ed. by L. V. Fadeeva, S. V. Alpatov, S. P. Sorokina. Pp. 341–355. In Russian.

Krasheninnikova Yu. A., Nizovtseva S. G. (2018) Rozhdestvenskie obkhody v russkikh traditsiyakh gornozavodskikh poselenii Respubliki Komi (v zapisyakh XXI veka) [Christmas Rounds in the Russian Traditions of Mining Settlements of the Komi Republic (In Recordings of the Twenty-First Century)]. *Ezhгодnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Annual of Finno-Ugric Research]. 2018. Vol. 12. No. 4. Pp. 28–43. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2012) Paskhal'naya pishcha i paskhal'noe zastol'e v sovetskoe vremya kak instrument sokhraneniya religioznoi ili semeinoi identichnosti [Easter Food and Easter Feast in Soviet Times as a Tool for Preserving Religious or Family Identity]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2012. No. 5. Pp. 58–70. In Russian.

Lobanova L. S. (2012) Magiya Velikogo chetvergа v skotovodcheskoi praktike komi [Great Thursday Magic in Komi Cattle Practice]. In: *Fol'kloristika Komi: Regional'nye fol'klорnye traditsii Evropeiskogo Severo-Vostoka i Zaural'ya v mezhkul'turnom kontekste* [Folkloristics of Komi:

Regional Folklore Traditions of the European North-East and Trans-Urals in Intercultural Context]. Ed. by P. F. Limerov. Iss. 70. Pp. 103–123. In Russian.

Matlin M. G. (2012) Paskha [Easter]. In: *Ocherki traditsionnoi kul'tury Ul'yanovskogo Prisur'ya. Etnodialektnyi slovar'* [Essays on the Traditional Culture of Ulyanovsk Prisure. Ethnolexical Dictionary]. Vol. 2. Ed. by I. A. Morozov, M. P. Cherednikova. Pp. 231–249. In Russian.

Nekrylova A. F. (2007) Russkii traditsionnyi kalendar' na kazhdyi den' i dlya kazhdogo doma [A Russian Traditional Calendar for Every Day and for Every House]. St. Petersburg: Azbuka-klassika. In Russian.

Plesovskii F. V. (1968) Svad'ba naroda komi [The Komi People's Wedding]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo. In Russian.

Tolstaya S. M. (1986) Solntse igraet [The Play of the Sun]. In: *Slavyanskii i balkanskii fol'klор* [Slavic and Balkan Folklore]. Moscow: Nauka. Pp. 8–11. In Russian.

Tolstoi N. I., Usacheva V. V. (1995) Verba [A Willow]. In: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Pp. 333–336. In Russian.

Usacheva V. V., Chekha O. V. (2009) Rasteniy-oberegi [Plant Charms]. In: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Pp. 412–413. In Russian.

Vlasova M. N. (2009) Paskha mertvykh (po fol'klорno-etnograficheskim materialam XIX–XX vv.) [Easter of the Dead (According to Folklore and Ethnographic Materials of the Nineteenth–Twentieth Centuries)]. *Vremennik Zubovskogo instituta* [Bulletin of the Zubov Institute]. 2009. No. 3. Pp. 78–91. In Russian.

Zolotova T. A., Efimova N. I., Plotnikova E. A. (2019) Traditsii russkogo fol'klора Respubliki Marii El (na materiale narodnogo kalendara vyatskikh pereselentsev) [Traditions of Russian Folklore of the Republic of Mari El (Based on the Material of the Folk Calendar of Vyatka Settlers)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2019. Vol. 20. No. 5. Pp. 35–52. In Russian.

Zolotova T. N. (2015) "Svetloe Khristovo voskresenie": o traditsiyakh prazdnovaniya Paskhi v Zapadnoi Sibiri ["The Bright Resurrection of Christ": About the Traditions of Celebrating Easter in Western Siberia]. In: *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii* [The Ethnography of Altai and Adjacent Territories]. Ed. by T. K. Shcheglova. Iss. 9. Pp. 96–102. In Russian.

© S. G. Nizovtseva,
Yu. A. Krasheninnikova, 2023

ABOUT THE AUTHORS

Svetlana G. Nizovtseva <https://orcid.org/0000-0003-4197-1850>

E-mail: svetlananiz@mail.ru

Tel.: +7 (8212) 20-17-02

26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation

PhD in Philology, Research Associate, Folklore Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Uralic Division, Russian Academy of Science

Yuliya A. Krashennikova <https://orcid.org/0000-0002-2045-4486>

E-mail: krashennikova@rambler.ru

Tel.: +7 (8212) 20-17-02

26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation

PhD in Philology, Leading Researcher, chair of the Folklore Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Uralic Division, Russian Academy of Science

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)